

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
имени А.В. Полетаева

БИОГРАФИИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХ
АРХИВОВ

Под редакцией
Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной,
В.С. Парсамова

Издательский дом Высшей школы экономики
МОСКВА, 2017

УДК 378(09)
ББК 74.03
Б63

Биографии университетских архивов [Текст] / Н. С. Алмазова, Т. Амалу, Е. А. Вишленкова и др. ; пер. с фр. П. Ю. Уварова ; пер. с итал. Ю. В. Ивановой ; пер. с польск. Д. А. Добровольского ; под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 300, [4] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1587-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1648-5 (e-book).

Книга посвящена университетским архивам как явлению культуры. Международный авторский коллектив, включающий известных специалистов по истории университетов из России, Болгарии, Италии, Польши и Франции, представляет яркие и увлекательные рассказы о судьбах архивов европейских университетов от Средневековья до нашего времени. При всем разнообразии исследовательских методик, представленных в книге, авторов объединяет взгляд на архив не как на пассивное хранилище деловой документации, а как на сложный механизм, порождающий собственные смыслы и открывающий новые грани в изучении университетской культуры.

Книга адресована ученым-гуманитариям, изучающим историю и теорию университетского образования, а также всем интересующимся проблемами памяти и интеллектуальной культуры.

УДК 378(09)
ББК 74.03

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1587-7

ISBN 978-5-7598-1587-7 (в пер.) © Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, 2017
ISBN 978-5-7598-1648-5 (e-book)

Содержание

<i>Елена Вишленкова, Вадим Парсамов</i> Архив как исследовательская проблема для историка университетской культуры.....	5
<i>Наталья Алмазова</i> Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани	23
<i>Наталья Алмазова</i> Судьба архива императорского университета в Варшаве.....	35
<i>Тьерри Амалу</i> Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII веке: симптом кризиса или ресурс новой историографии?	48
<i>Елена Вишленкова, Кира Ильина</i> Архив как средство управления российскими университетами.....	83
<i>Зарина Гатина</i> Где искать диссертационные дела русских врачей, или Особенности архивирования делопроизводства медицинских факультетов	102
<i>Татьяна Жуковская</i> Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности.....	114
<i>Кира Ильина</i> Архивы попечителей учебных округов в Российской империи	165
<i>Луиджиаврелио Поманте</i> Университетские архивы Италии между традицией и инновацией	185

Содержание

Яна Руднева

«Большой архив женского университета»: возможности реконструкции..... 206

Александр Русанов

Архив Португальского университета в XIV — начале XVI века..... 220

Петр Сафронов

Оглядываясь на будущее: устройство архива, судьба университетов и задачи высшего образования 234

Александра Трифонова

Университетские архивы в Болгарии..... 246

Иоанна Шиллер-Валицка

Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия 265

Список сокращений 293

Сведения об авторах..... 297

Елена Вишленкова, Вадим Парсамов

АРХИВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИСТОРИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

doi:10.17323/978-5-7598-1587-7_5-22

Специфичность данной книги в том, что она об архивах, но написана не архивистами и архивоведами, а практикующими историками. Соответственно, в ней нет истории архивного дела и росписи документальных собраний, а главное внимание сосредоточено на истории возникновения и бытования определенных документальных коллекций, т.е. биографиях университетских архивов и практиках работы с ними. Понятие «биография» мы используем в значении, которое сформулировали социологи Арджун Аппадурай и Игорь Копытофф применительно к вещам². Они призывали исследователей восстанавливать истории вещей как человеческие биографии, интересуясь обстоятельствами их создания, их участием в жизни людей, гибелью, а также тем, как со временем меняется их ценность.

Приглашенные к участию в этом проекте историки из разных стран (многие из них специализируются на изучении университетского прошлого) рассказали о собственном или коллективном опыте диалога с университетскими архивами. Общими усилиями мы хотели сделать наши персональные опыты (которые, как правило, передаются изустно от учителя к ученикам) частью профессионального знания.

Потребность письменно зафиксировать сделанные наблюдения и обретенные догадки, желание посредством книги обсудить

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective / A. Appadurai (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 3–63, 66–67.

и поделиться с коллегами нашими гипотезами и открытиями порождены в том числе изменениями в исторической профессии и связанной с этим десакрализацией архивных свидетельств. Изменения в истории произошли главным образом вследствие критической ревизии аналитического инструментария и технологий работы с источниками, осуществленной во второй половине прошлого века. А разрушение доверия к архивным свидетельствам началось еще раньше, но долгое время оно сдерживалось незнанием логики формирования архивных собраний, принципов сохранения и уничтожения документов.

В результате коллективного обсуждения персональных опытов у нас получился рассказ об университетском архиве как феномене исторической культуры. Его мы и представляем на суд читателей.

Поводы к сомнениям

Со времени выхода в 1820-е годы работ Леопольда фон Ранке историки оценивают работы коллег в том числе по результатам архивного поиска. Многие десятилетия господствовало убеждение, что, погрузившись в чтение документов, исследователь познаёт историческую действительность и представляет ее в своем рассказе. При этом архиву приписывались свойства неизменности и цельности, а само приобщение к его богатствам интерпретировалось в категориях любви. «Притягательность архива непреложна, — утверждают хранители рукописей. — Ее нельзя объяснить только прагматическими целями получения информации. Скорее бесконечностью эмоциональной подпитки»³.

Мы не ратуем против любви к архиву (сами испытываем удовольствие от работы в нем), но призываем относиться к нему с осознанием того, какие ловушки расставили для исследователей университетов создатели и хранители документов.

В проявлениях такой предосторожности вряд ли мы — первооткрыватели. В 1970-е годы изучение проблемы пристрастности языка научного и документального описания, музейных и архивных коллекций, литературной классики стимулировали постколониальные штудии. Постулат «колониальные архивы производят

³ Горяева Т.М. Магия документа // Когнитивная история: Концепция — Методы — Исследовательские практики. Чтения памяти профессора О.М. Медушевской. М.: РГГУ, 2011. С. 55.

свою собственную правду» служил отправной точкой для ревизии исторических свидетельств в латиноамериканских, африканских и азиатских исследованиях⁴.

А в 1980-е годы о власти архива и его создателей применительно уже к американской истории писали архивисты Фрэнк Боулс и Джулия Янг⁵. После них проблема нейтральности архивного свидетельства, беспристрастности его участия в производстве нового знания, вопрос о праве архивистов быть творцами истории стали широко обсуждаться на страницах журналов⁶.

Кроме вызова постколониальных исследований, стимул к такому разговору и повод к осторожности в использовании архивных свидетельств дало появление «архивов идентичности» — коллекций документов и данных, созданных общественными объединениями, неформальными организациями или отдельными лицами. Их создатели бросили вызов профессионалам, грозя переписать историю (войн, экологических катастроф, стихийных бедствий, маргиналов и проч.) путем «правильной» подборки документов. Эти намерения заставили историков пристальнее присмотреться к процессу документирования и сохранения свидетельств. Внимательное всматривание открыло, что архивы являются «агентами» и даже «авторами» своих источников.

После целого ряда конференций и обсуждений в 2009 г. появилась книга Фрэнсиса Блоуина и Уильяма Розенберга, зафиксировавшая произошедшие в исторической профессии перемены⁷. Опираясь на них, соавторы сформулировали необходимость дополнительных аналитических процедур в ходе проведения профессионального исследования: «ученый должен приложить определенные усилия для выяснения того, как и почему были собраны соответствующие источники, о чем они свидетельствуют (не только прямо, но и косвенно), какие социокультурные и социально-

⁴ Например: *Burns K. Into the Archive: Writing and Power in Colonial Peru*. Durham: Duke University Press, 2010.

⁵ *Boles F., Young J.M. Exploring the Back Box: The Appraisal of University Administrative Records // American Archivist*. 1985. Vol. 48. Spring. P. 121–140.

⁶ Пример таких дебатов: *Samuel H.W. Who Controls the Past // American Archivist*. 1986. Vol. 49. No. 2. P. 109–124; *Cox R. The Documentation Strategy and Archival Appraisal Principles: A Different Perspective // Archivaria*. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 11–36.

⁷ *Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives*. N.Y.: Oxford University Press, 2010.

политические конвенции стоят за их возникновением и что может означать их молчание»⁸. За этой довольно тривиальной формулировкой скрывается задача более сложная, чем та, которую с XIX в. ставили перед собой историки. Речь идет не о внешней критике источника, а об изучении его дискурсивной биографии.

Как правило, осуществлению этой задачи мешает «водораздел» между историками и архивистами⁹, у которых сегодня разные цели в жизни, а также неготовность читателей и писателей признать множественность прошлого. Эти естественные трудности отягощает способность господствующих нарративов уничтожать альтернативные версии истории и редактировать под эту задачу имеющиеся архивные собрания. Восстановить существование погибших версий прошлого или создать новые версии по сохранившимся крупным и косвенным свидетельствам оказывается крайне сложным делом.

«Архивы, — считает культурный антрополог Энн Стоулер, — являются не только культурными пространствами, где оспариваются значения исторических источников, но и пространствами институциональными, где оспариваемые представления о прошлом зависят от тех способов, какими смысл источников был скрыт, затемнен или, что еще важнее, навязан архивными практиками и установками. “Ткань архива”, — уверяет она, — не только отражает, но также создает репрезентации общественной памяти и самые распространенные формы исторического понимания. Архив, как и историки, приписывает своим источникам определенные значения, организуя их таким образом, что они по умолчанию предполагают те или иные виды вопросов и даже ответов»¹⁰.

Чтобы не оказаться в плену сложенной и хранимой в архиве версии прошлого, исследователю надо изначально заподозрить в архиве дискурсивное пространство. И работая с таковым, ему предстоит выяснять, какие категории и утверждения в его сви-

⁸ Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Статус документа в культуре / под ред. И.М. Каспэ. М., 2013. С. 128.

⁹ Blouin F., Rosenberg W. Op. cit. P. 116.

¹⁰ Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / F.X. Blouin, W.G. Rosenberg (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 271. Цит. по: Окончательная бумажка... С. 130–131.

детельствах оказались привилегированными и получили право на жизнь, а какие были в разные времена разжалованы или проигнорированы. «Чтение [рукописных коллекций] “поперек волокон”, — вдохновляет историков Стоулер, — открывает путь к знанию, скрываемому или замалчиваемому посредством этих архивных процессов»¹¹.

У авторов этой книги была возможность проверить данное утверждение на себе и убедиться в его справедливости.

Интересы составителей

Кроме вышеупомянутых обстоятельств, наш пристальный интерес к феномену университетского архива¹² был порожден изменениями в парадигме исследований Университета. В последние годы произошла явная смена приоритетов в них: прежнее доминирование институциональной истории сменилось триумфальным шествием культурной истории. При этом речь идет не о механическом расширении тематики и проблематики публикаций, а о качественных изменениях в понимании сути и исторической природы Университета. За фасадом образовательного учреждения исследователи обнаружили академическую культуру, и это открытие повлекло за собой поиск иных источников для изучения ее прошлого и разработку новых методов для их интерпретации. Как следствие, объектами изучения стали не только архивные документы, но и исследовательские тексты об Университете. Интерес к ним породил свои открытия.

В свое время сторонники семиотики предлагали рассматривать культурные пространства в форме центричных систем. В центре размещалось стабильное и устойчивое ядро культуры, а перифе-

¹¹ Ibid.

¹² Понятие «университетский архив» здесь выходит за рамки ведомственного архива конкретного университета. Мы используем его в значении, которое сформулировала Т.Н. Жуковская: «Если учитывать и описывать все направления деятельности университета, порождающие делопроизводство, то следует понимать под архивом университета совокупность всех комплексов, отражающих его административные и социальные связи. Я бы ввела понятие *Большой университетский архив*, необходимое для понимания системы университетских связей, направлений деятельности, границ университетского сообщества, территориального и институционального пространства университета» (см.: Жуковская Т. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике, с. 114)).

рия интерпретировалась как сгущение случайностей и противоречий. Считалось, что постоянное взаимодействие между ядром и периферией, перевод с языка казусов на язык закономерности и обратно, обеспечивает устойчивость и одновременно развитие данного типа культуры.

Если воспользоваться этой метафорой, то современные исследования университетов располагаются на разных удалениях от центра, образованного верой в достоверность и объективность документальных свидетельств. Любой университет репрезентирует себя как всегда бывший и стабильный исторический феномен. Примеры таких утверждений можно в изобилии обнаружить на университетских сайтах, в юбилейных изданиях и актовых речах. Они транслируются не только через письменные тексты, но и через визуальные образы (например, галереи ректорских портретов и бюсты выдающихся ученых). Преemptивность утверждает через многоотомные словари профессоров и студентов, посредством справочников для поступающих и прочие не-нарративные тексты.

Юбилейные истории, построенные на основе пересказа или при иллюстративном использовании таких утверждений, прочерчивают линейное время поступательного развития «своего» учреждения. В нем удобно размещаются вневременные и семантически неопределенные категории «традиция», «университетская культура», предикат «классический». И хотя создание репрезентаций, а также конструирование идентичностей всегда осуществляется с помощью отбора свидетельств (более того, именно перемены в принципах сбора и отсева исторических источников приводят к обновлению социальной миссии Университета и осовремениванию имиджа ученого), вопрос о средствах и технологиях их производства в официальных историях, как правило, не оговаривается¹³. Все внимание создателей рассказа о прошлом сосредотачивается на факторах единства и стабильности.

Но чем дальше писатель располагается от «центра веры», тем сложнее и неоднороднее становится его образ Университета. Недо-

¹³ Под официальной историей в данном случае подразумеваются исторические нарративы, отвечающие потребностям университетского руководства и создающиеся по его заказу, как правило, к университетскому юбилею. Сюда же следует отнести и те университетские истории, которые пишутся не по заказу и не к юбилеям, но сознательно или несознательно создаются под влиянием официальных нарративов. Авторы подобного рода историй вольно или невольно оказываются в положении не столько исследователя, сколько репродуктора официального университетского дискурса.

верчивый историк обретает зоркость, улавливающую разнообразие, случайности, различия, столкновения интересов и характеров, служебные неурядицы и личные выборы университетских преподавателей, наконец, разрывы в развитии самого университета. Он видит не только победившие версии университетского самоописания, но и оказавшиеся безуспешными попытки сотворения образа «своего» университета. Эти не вписывающиеся в официальный дискурс высказывания, судьбы и события стали объектами анализа сторонников новой социальной истории, истории повседневности, культурной истории университетов. В результате мы обрели целый спектр университетских историй.

Не готовые к принятию множественности прошлого коллеги обсуждают критерии, по которым следует оценивать результаты исторических штудий. При этом рефлексия над аналитическими процедурами и теоретическими основаниями исследовательской работы нередко оказывается подмененной более тривиальными вопросами — о приемлемых и понятных языках изложения, о выборе объективных или достоверных источников¹⁴. Исследователи, верующие в беспристрастность архивных свидетельств, настаивают на том, что «архивы не врут» и что научные тексты следует писать языком литературы.

Если вопросу о языках аналитического описания прошлого посвящена большая дискуссия и литература, то проблема дискурсивности университетских архивов в них почти не затронута. И понятно почему. Нет такого исследователя, кто за одну творческую жизнь мог бы изучить логики построения и биографии многих весьма объемных университетских архивов, кто смог бы сделать на основе этого опыта сравнения и обобщения. Такое теоретизирование под силу лишь коллективам специалистов. Для их объединения и реализации подобных проектов был создан Центр университетских исследований в НИУ «Высшая школа экономики». С 2012 г. он действует в составе Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева¹⁵.

¹⁴ В радикальной форме раздражение от непонимания языка современного аналитического описания было высказано в рецензии: *Дементьева В.В.* Глубокомысленная бессмыслица: Статусные создатели и обескураженный читатель // *Новый исторический вестник*. 2014. № 4 (42). С. 149–159.

¹⁵ Центр университетских исследований был создан в 2012 г. под руководством профессора Е.А. Вишленковой. Большую поддержку в его организации

В изучении биографий университетских архивов мы продвигались довольно медленно. В 2013 г. в Москве провели международную конференцию, нашли благодаря заявкам исследователей и их выступлениям единомышленников, годами вели с ними переписку, встречались на других научных площадках, а затем подготовили эту книгу.

Архив профессорской идентичности

Другим импульсом для изучения университетских архивов как объектов и субъектов академической культуры было участие сотрудников Центра в двух масштабных проектах — «Ubi Universitas, ibi Europa»¹⁶ и «Культура университетской памяти в России»¹⁷. В международном проекте мы на себе и своих коллегах ощутили, какие злые шутки разыгрывают с исследователями архивы. В начале пути предполагалось, что, соединив данные из архивов трех российских университетов и Министерства народного просвещения, мы получим единую картину университетского прошлого. Однако на выходе исследовательские группы, работавшие с хранилищами документов разных университетов, обрели на основе анализа их свидетельств разные версии прошлого. Без применения ретуши из отдельных историй универсальной (всеобщей) истории российских университетов никак не получалось, поэтому в результате проекта родились две разные книги¹⁸. Этот исследовательский опыт побудил нас обратиться к изучению политик памяти.

оказали директор ИГИТИ И.М. Савельева и проректор НИУ ВШЭ М.М. Юдкевич. Благодарим их за доверие.

¹⁶ Речь идет о международном проекте «Ubi Universitas, ibi Europa: Transfer und Adaptation von Universitätskonzeptionen im Russischen Reich (18 — erste Hälfte des 19. Jahrhunderts)», получившем поддержку Германского исторического института в Москве и Gerda-Henkel-Stiftung (2008–2010, AZ 02/SR/08).

¹⁷ Проект «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», а также работа научно-учебной группы «История постсоветских университетов» осуществлялись в 2012–2014 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹⁸ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / под ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.

Что касается второго проекта, то главными действующими лицами в нем были студенты. Проект подразумевал сбор интервью об академической жизни в России 1980–2010-х годов. Собрать их нас побудил тогдашний кризис документирования и архивирования (во многих университетах в перестроечные и постперестроечные времена в архивы не сдавались документы из факультетских канцелярий, на кафедрах не велись протоколы заседаний) и интерес к воспоминаниям рядовых участников университетской жизни.

С помощью социологов образования и культурных антропологов мы создали вопросник, который служил для студентов-интервьюеров не жесткой рамкой, а провокацией разговора с информантом. То обстоятельство, что интервьюеры не имели априорных исследовательских намерений или гипотез, а расспрашиваемые преподаватели нередко обладали заранее заготовленными рассказами о прошлом, страховало тексты-памяти от исследовательского давления. Среди опрошенных были работающие и пенсионеры, доценты, профессора, бывшие и действующие ректоры, их помощники, научные сотрудники. Все они жители разных российских городов. К настоящему моменту собрано 162 интервью. Как правило, это слабоструктурированные, нарративные тексты объемом до 40 000 знаков. Примерно четверть из них с согласия информантов опубликована на сайте Центра университетских исследований¹⁹.

Благодаря такому проекту мы обрели альтернативную по отношению к государственным архивам коллекцию, в которой существуют множественные версии прошлого. Сопоставление ее свидетельств с нарративами официальных изданий, в том числе с опубликованными мемуарами академиков²⁰, показало, что воспоминания и представления рядовых участников событий значительно отличаются от того, что им полагалось помнить²¹. Но

¹⁹ Архив интервью на сайте Центра университетских исследований: <<http://igiti.hse.ru/unimemory/interview>>.

²⁰ *Дмитриев А.Н.* Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // *Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов* / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 358–384.

²¹ *Гатина З.С., Гребенкина Д.М.* Личные воспоминания о постсоветских университетах и архив профессорской идентичности // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 51. С. 261–286; *Баженов О.А., Морозов О.В.* Образ университета 1990-х годов в интервью современных историков // *История и историческая память*. Вып. 10.

главное, в чем убедила эта работа, это то, что университет представляется коллективным субъектом лишь ретроспективно. В реальном времени люди рассказывают и пишут собственные истории. От исследователей потребовались бы изобретательность и усилия, чтобы сделать их единым рассказом об общем Университете, заретушировать противоречия и отличия.

Результаты эмпирических исследований

Приступив к изучению историографии российских университетов, мы обнаружили, что дебаты о дискурсивной природе архивов почти не отразились на университетских исследованиях. И вследствие такого игнорирования продолжается практика тематического пересказа архивных документов или некритического воспроизведения данных из отчетных материалов.

Традиция такого способа создания университетских историй сложилась в XIX в. Тогда большие нарративы прошлого рождались в одном из двух жанров: либо в виде олитературенного отчета о деятельности учреждения (что делалось на основе делопроизводства канцелярий), либо в форме прославительного повествования о просветительской политике правительства (что осуществлялось на основе законодательства и архива Министерства народного просвещения)²². Важным исключением стали публикации Н.Н. Булича, созданные на основе спрятанных архивариусом документов²³.

Саратов; Ставрополь: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2014. С. 218–229; *Баженов О.А., Гатина З.С.* Формирование исторической памяти о российских университетах 1990-х годов: свидетельства и их интерпретация // Новое прошлое. 2017. № 1.

²² *Вишленкова Е.А.* Университетский XIX век в России: дискурсивная история // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2013. С. 285–316; *Vishlenkova E.A.* Designers of the Past and Various Histories for a Russian University // *History of Education and Children's Literature*. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 203–225.

²³ Н.Н. Булич обнаружил на чердаке Казанского университета коробки с документами первой четверти XIX в., которые архивариус списал, но не уничтожил. Это были тексты, свидетельствующие о ссорах и спорах профессоров Александровской эпохи. Историк написал на их основе рассказ, но не смог снабдить его научно-справочным аппаратом. См.: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам // Изв. и Учен. зап. Казанского ун-та. 1880. Янв.–февр. С. 1–112; 1886. С. 1–387; 1890. Кн. 1. С. 1–144; Кн. 2. С. 145–276; Кн. 3. С. 127–244; Кн. 5. С. 133–208; Кн. 6. С. 122–214; 1891. Кн. 1. С. 179–276; Кн. 2. С. 141–269.

В советскую эпоху к этим двум жанрам добавились биографии выдающихся ученых и рассказы о деятельности профессиональных объединений. Создание таких нарративов стало возможным благодаря появлению в 1930-е годы отделов рукописей при университетских библиотеках и государственных музеях. Их коллекции состояли в том числе из личных архивов уплотненных или эмигрировавших профессоров²⁴.

В конце XX в. возникли смешанные жанры и сюжеты, пришедшие в университетские исследования из социальной и культурной истории науки и образования (обучение женщин, еврейские студенты, иностранные профессора или университетская символика, академическая культура, эволюция ученых степеней и проч.)²⁵. Их разработка требовала использования данных из архивов разного формирования (частных, ведомственных, государственных).

Независимо от выбранного жанра, университетские архивы представлялись исследователям собраниями произвольных (а потому беспристрастных) свидетельств. Между тем изучение фондовых справок, каталогов, документов по истории архива, старых описей убеждает в том, что они не являются суммой случайно собранных текстов. Их структура, логика взаимосвязей, очевидное наличие формуляров документов и матрицы заполнения доказывают, что университетский архив — это созданные в разные времена и с разными целями комплексы свидетельств в пользу определенных версий прошлого. Реконструкция намерений их создателей, обстоятельств их изготовления, анализ участия в этом разных людей и борьбы за контроль над архивом различных групп чиновников, профессоров и служащих дают возможность делать глубокие срезы отношений внутри академического сообщества²⁶.

²⁴ Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетские истории в России: генеzis жанров // Вестник Санкт-Петербургского ун-та культуры и искусства. 2014. № 3 (20). С. 164–172.

²⁵ Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1. С. 41–64; Dmitriev A.N. The Cunning of Memory: Soviet University and Its Post-Communist Condition // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 269–286.

²⁶ Примеры тому: Еремин А.И. Черновики документации русской классической гимназии конца XIX — начала XX века как исторический источник для изучения истории повседневности // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 141–153; Еремин А.И. Информационные ресурсы документации русской классической гимназии для изучения социальной

В процессе изучения выяснилось, что корреляция между местом полевой работы исследователя и созданным им нарративом устанавливается благодаря тому, что изначально университетские архивы учреждались для подготовки отчетов в министерство и туда передавались соответствующие *этому назначению* документы²⁷. Все, что ему не соответствовало, на хранение не принималось или попало в ведомственный архив достаточно случайно²⁸.

Министерство народного просвещения редактировало и регулировало производство высказываний в своем ведомстве посредством делопроизводства (формуляры отчетов, ведомости, формулярные списки, требования к языку университетского самоописания и проч.)²⁹. Матрицы документов обеспечивали сбор свидетельств об университете как о государственном учреждении и не позволяли вписывать в тексты иные идентичности. Соответственно, исследователю, работающему с такими документами, трудно выйти за пределы государственнической версии университетского прошлого.

Анализируя работы предшественников, мы видели, что не только использованные методы обработки источников, но выбор локального архивохранилища определял исследовательскую концепцию³⁰. Дискурсивные различия местных университетских архивов объясняются тем, что в одних университетах служили

истории (конца XIX — начала XX в.) // Вестник РГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 120–135; Галиуллина Р.Х. Документы цензурных комитетов первой четверти XIX века: формы, комплектация и организация хранения // История и историческая память. Вып. 11. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2015. С. 224–242.

²⁷ Вишленкова Е., Ильина К. Архив как средство управления российскими университетами (статья в данном сборнике, с. 83).

²⁸ Vishlenkova E. Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities // “Humanities” (WP BRP 29/Hum/2013) National Research University Higher School of Economics. 2013. <<http://www.hse.ru/data/2013/05/14/1299930340/29HUM2013.pdf>> (дата обращения: 21.02.2017).

²⁹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

³⁰ Вишленкова Е.А., Дмитриев А.Н. Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 61–95; Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания // Там же. С. 96–113.

опытные архивариусы, а в других эта должность переходила из рук в руки или была вакантной. Человеческий фактор отразился на полноте и логике организации документальных собраний³¹. Так, когда в 1830-е годы правительство потребовало от всех присутственных мест наведения порядка «в справках», профессорские советы российских университетов разработали несходные принципы систематизации своих «бумаг»³². И даже когда в 1860–1870-е годы архивные фонды должны были редактироваться по единой, спущенной из министерства, схеме, не все университеты это предписание выполнили. Иногда такое решение было связано с наличием или отсутствием помещения для архива. В совокупности такие отступления, искажения и случайности сформировали коллекции, отличающиеся по своему составу, видам документов и подборке свидетельств.

И даже внутри одного университетского архива исследователь может обрести разные версии прошлого, в зависимости от того, с каким фондом он работает. Так, до 1830-х годов канцелярии попечителей учебных округов в Российской империи были их ведомственной собственностью, которую они возили за собой и которую использовали для дистанционного управления университетом, а также для доказательства собственного служебного радения. Такая заинтересованность породила несвойственное для остального университетского архива разнообразие свидетельств и видов документов в архивах попечительских канцелярий, а также их специфическую систематизацию³³.

Апробация выводов

Сотрудники Центра сделали эти наблюдения и выводы на кейсах Московского, Харьковского и Казанского университетов XIX в.

³¹ *Ильина К.А., Вишленкова Е.А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 328–357.

³² *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Реформа университетских архивов в России 1830-х годов // История и историческая память. Вып. 9. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2014. С. 40–59.

³³ *Ильина К.А.* 1812 год и университетские архивы // История и историческая память. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2012. С. 88–100; *Ильина К.* Архивы попечителей учебных округов в Российской империи (статья в данном сборнике, с. 165).

И поскольку при любой выборке остается место сомнению относительно ее репрезентативности (была ли обнаруженная нами зависимость специфическим явлением для данного места и времени), мы решили обсудить их с коллегами, работающими на материалах иных российских и зарубежных университетов. Участникам секции «Университетские архивы», созданной в рамках международной конференции «Университетские традиции: ресурс или бремя?» (НИУ ВШЭ, Москва, сентябрь 2013 г.)³⁴, мы задали вопрос: как архивы (их коллекции, условия существования, способы сохранения делопроизводства и личных коллекций, деятельность архивариусов и локальные условия размещения, финансирования, сохранения) влияли на исследовательские рассказы об университетском прошлом?

Поскольку вместе с историками из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Казани в секции работали специалисты из Эстонии, Польши, Франции, Италии, Германии, Америки, Финляндии и Болгарии, то в ответ мы получили наблюдения, сделанные в широком географическом и временном контексте. Так, оказалось, что университеты в Лиссабоне и в Коимбре считались одним и тем же университетом только благодаря общему архиву с текстами привилегий³⁵. И наоборот — нынешняя дробность университетского архива не позволяет петербургским исследователям убедить соотечественников в единстве истории академического университета, Педагогического института и Петербургского университета³⁶.

Мы узнали, что подготовки к празднованию юбилеев отразились на судьбах всех университетских архивов³⁷, так как занятые в

³⁴ Sani R., Vishlenkova E. University Tradition: A Resource or Burden? // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 177–182.

³⁵ Rusanov A.A. Continuity of University History: A Case-Study of Portuguese Studium Generale (1288–1377) // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 287–300; Русанов А. Архив Португальского университета в XIV — начале XVI века (статья в данном сборнике, с. 220).

³⁶ Жуковская Т. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности (статья в данном сборнике, с. 114).

³⁷ National, Nordic or European? Nineteenth-Century University Jubilees and Nordic Cooperation / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2011; University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationship / P. Dhondt (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2015.

них историки срочно пополняли скудный архив своего университета копиями отчетов из иных коллекций (пример Харьковского университета), составляли указатели к неупорядоченному складу документов или забирали их часть домой для вечерней работы (пример Казанского университета)³⁸. Порой торжества провоцировали создание такого количества новых текстов, что, например, в архиве Тюбингенского университета все подготовительные к празднованию и к написанию юбилейной истории документы образовали отдельный фонд³⁹.

В ходе обсуждения выяснилось, что архив способен влиять на коллективную память разнообразными способами. Так, архив Варшавского университета редуцировал из анналов корпоративной памяти кусок имперского прошлого, оставшегося после обретения независимости Польши в Советском Союзе⁴⁰. Биография парижского архива объяснила, почему в XVII в. архивариусы были так заинтересованы в составлении реестров документов и как именно эти описи повлияли на создание первой истории Парижского университета. Оказалось, что документы активно использовались для отстаивания финансовых и территориальных привилегий профессоров, для обоснования внутренних реформ, для защиты интересов отдельных факультетов и «наций»⁴¹. Тематическое распределение документов определило концепцию первого труда об университетском прошлом. В свою очередь, отсутствие практики архивирования в болгарских университетах привело к тому, что историкам до сих пор не удается создать нарратив прошлого национального Университета⁴².

В ходе обсуждения выяснилось, что так же, как и в императорской России, личные архивы польских профессоров и научных

³⁸ Алмазова Н. Дело о «наилучшей» организации архива императорского университета в Казани (статья в данном сборнике, с. 23).

³⁹ Morozov O. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 301–320.

⁴⁰ Алмазова Н. Судьба архива императорского университета в Варшаве (статья в данном сборнике, с. 35).

⁴¹ Амалу Т. Первые архивные каталоги Парижского университета в XVII веке: симптом кризиса или ресурс новой историографии? (статья в данном сборнике, с. 48).

⁴² Трифонова А.Д. Университетские архивы в Болгарии (статья в данном сборнике).

объединений не попадали в государственные архивы. Их национализация произошла в XX в., когда на основе сохранившихся коллекций были созданы Отдел рукописей Варшавского университета и фонды Архива Польской академии наук. Их открытие для посетителей расширило тематику университетских исследований⁴³. В то же время отсутствие таких центров сосредоточения личных архивных коллекций в Германии побуждает немецких историков буквально создавать личные архивы профессоров, разыскивая и соединяя в одной публикации тексты из разных архивохранилищ⁴⁴.

Мы убедились, что свидетельства одного, пусть даже очень богатого архива (например, архив Министерства народного просвещения в Российской империи) не дают возможности проводить компаративные исследования. При этом все университетские архивы содержат свидетельства в пользу переплетенной истории университетов (переписка между профессорами, учеными советами, обмен поздравлениями и научными рецензиями, формулярные списки с фиксацией академической мобильности)⁴⁵. Для того чтобы обрести возможность сравнивать, в Италии реализуют масштабные государственные проекты по изучению и стандартизации университетских архивов. И поскольку сопоставление требует хорошего знания локальных специфик, усилия итальянских научных фондов и исследователей вот уже два десятилетия направлены на выявление и коллективное обсуждение особенностей сохранения свидетельств в разных университетских сообществах⁴⁶.

Дискуссия показала, что политики памяти в европейских университетах формировали разные агенты: канцлеры, добивавшиеся привилегий для профессоров; члены профессорской корпорации, спасавшие архивы от пожаров и войн; секретари университет-

⁴³ Шиллер-Валицка И. Архив Польской Академии наук как хранилище профессорского наследия (статья в данном сборнике, с. 265).

⁴⁴ "Auch in Moskwa habe ich Ursache zufrieden zu sein": Christian von Schlozers Pravatkorrespondenz mit der Familie. Akademische Lebenswelten, Wissens- und Kulturtransfer in Russland am Beginn des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Kaplunovskiy (Mainzer Beitrage zur Geschichte Osteuropas). Mainz: Lit Verlag, 2014.

⁴⁵ Кусбер Я. Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. С. 191–211.

⁴⁶ Поманте Л. Университетские архивы Италии между традицией и инновацией (статья в данном сборнике, с. 185).

ских советов, протоколировавшие или сочинявшие протоколы заседаний; архивариусы, не желавшие увеличения работы или выкраивавшие в архиве место для новых документов; адвокаты, использовавшие прошлое как аргумент для обоснования претензий университета⁴⁷; попечители, стремившиеся скрыть компрометирующие документы от ревизоров или продемонстрировать свои заслуги преемникам; адъюнкты, которым поручали сделать указатели к канцелярским бумагам; профессора, не соблюдавшие правил делопроизводства или, напротив, стремившиеся упорядочить склад «старых бумаг» ради письменной истории; министерские чиновники, нуждающиеся в справках «с мест»; министры, претендовавшие на роль укротителей хаоса; и даже императоры, мечтавшие о хорошо организованном управлении.

В сочетании с факторами дороговизны бумаги, печного отопления архивных камер, плесени, нехватки помещений, отсутствия денег на приобретение стеллажей и картонных папок, ликвидации, а затем восстановления штатной должности архивариуса это приводило к редукции или ревизии архивных собраний. Почти всегда такая ревизия осуществлялась продуманно, с обсуждением того, что и почему из архивных богатств считать «вечным» и что «ненужным».

Благодаря кооперации с российскими и зарубежными коллегами, а также в результате учебно-исследовательской работы со студентами мы стали рассматривать Университет не только как институцию или пространство социальных взаимодействий и властных отношений, но и как специфическое место производства «высказываний». Последнее понятие мы понимаем расширительно и включаем в него как вербализованные идеи, так и поведенческие стратегии, солидарный выбор, протест и прочие действия. В такой перспективе архив предстает не зеркалом реальности или «черным ящиком», но участником «финальной сборки» многочисленных и противоречивых высказываний, превращения их в согласованный рассказ о прошлом.

В отличие от структуралистского прочтения строения («архитектуры») архива как недискурсивного хранилища, практикующих историков интересует не состояние архивов (т.е. хранящиеся там высказывания и суждения), а медиаторы, посредством кото-

⁴⁷ *Ouvarov P. Who Founded Paris University? A History of the 16th Century Law-suit // History of Education and Children's Literature. 2014. Vol. IX. No. 1. P. 227–250.*

рых полнота университетской жизни превращалась в дискурсы социальной памяти (в рассказы об университетской жизни)⁴⁸. При таком подходе «физическая сторона» всякого организованного знания — собирание, классификация, хранение, обработка материалов и их передача во времени — предстает культурными практиками⁴⁹. Таким образом, нам важна многофункциональность университетского архива, который участвует в наших исследованиях и как институция, и как свидетельство, и как набор культурных практик, и как источник смыслов.

⁴⁸ *Beghtol C.* Stories: Applications of Narrative Discourse Analysis to Issues in Information Storage and Retrieval // *Knowledge Organization: International Journal devoted to Concept, Theory, Classification, Indexing and Representation.* 1997. Vol. 24. P. 64–71.

⁴⁹ *Эрнст В.* Архивация: Архив как хранилище памяти и его инструментализация при национал-социализме // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 4 (74). С. 135; *Ernst W.* Archival action: The archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // *History of the Human Science.* 1999. Vol. 12. P. 13.

Наталья Алмазова

ДЕЛО О «НАИЛУЧШЕЙ» ОРГАНИЗАЦИИ АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КАЗАНИ

doi:10.17323/978-5-7598-1587-7_23-34

В настоящей статье речь пойдет о частном случае, имеющем отношение к заявленному во введении кругу проблем, — о неосуществленной попытке реорганизации архива в Казанском университете на рубеже XIX–XX вв. Обнаруженные документы, зафиксировавшие этапы реализации этого намерения, позволяют судить не только о желаниях реформаторов, но и о состоянии «коллектора» памяти Казанского университета на 1899 г. Кроме того, эти свидетельства позволяют затронуть вопросы прочтения архива, а именно объяснить, почему мотивы к изменению его структуры оказались слабее, чем стремление сохранить все в неизменном виде.

Архивное дело «О новой организации университетского архива» хранится в фонде Казанского университета в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ). В нем содержатся следующие документы: обращение ректора университета к профессорскому стипендиату В.Л. Борису с просьбой ознакомиться с университетским архивом, записка Борисова о состоянии архива университета, рапорты архивариуса университета А.А. Бобровникова. Все они относятся к 1899–1901 гг.¹

В октябре 1899 г. ректор Казанского университета Дмитрий Иванович Дубяго обратился к Борису с просьбой «поближе ознакомиться с устройством нашего архива университета, а именно: с порядком поступления в него дел, распределением их в архив, систематизацией, ведением каталогов и пр.»² и сообщить собранные сведения с замечаниями и указаниями, по возможности к ноябрю 1899 г.

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128.

² Там же. Л. 1.

Первоначально письмо завершалось другой фразой (впоследствии зачеркнутой и замененной фразой о сроках): «Желательно было бы, чтобы указания Ваши, изложенные в краткой форме, могли служить руководством для нашего архивариуса при благоустройстве архива»³. В связи с этим письмом ректора можно предположить, что в университете существовал определенный интерес к собственному архиву.

Интересно, что в деле имеется рапорт архивариуса Бобровникова, датированный августом 1899 г.⁴, в котором в ответ на «словесное предложение» ректора университета он приводит инструкцию по управлению архивом. Таким образом, еще в августе 1899 г. ректор университета обращался к вопросам, связанным с университетским архивом. Стоит отметить, что Дубяго был назначен ректором буквально за месяц до этого, а именно 21 июля 1899 г., и, возможно, дело с реорганизацией университетского архива было одним из его первых дел на этом посту.

Вероятно, интерес к «архивным вопросам» в Казанском университете мог быть связан с общим вниманием в стране к состоянию и положению архивов, как государственных, так и частных. В 1898 г. Императорское Московское археологическое общество, озаботившись весьма плачевным состоянием российских архивов, выступило с программой спасения и сохранения многих документов, которые находились в разных архивах, но были неизвестны в научной среде. Среди прочего в программе особое внимание уделялось частным архивам и архивам правительственных учреждений, не имевших научных задач, т.е. речь шла о таких архивах, которые по точному смыслу действующего на тот период законодательства хранили документы, необходимые для справок по текущим делам. С течением времени такие архивы скопили огромное количество документов, бесполезных для делопроизводства, но важных и ценных для научных целей⁵.

³ НА РГ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 1.

⁴ Это наиболее ранний по времени документ в архивном деле, но расположен он лишь третьим, после двух бумаг октября 1899 г.

⁵ Программа была напечатана и в «Известиях Казанского общества археологии, истории и этнографии». См.: Программа для собирания сведений для архивов // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XIV. Вып. 5. Казань, 1898. С. 590–592.

Аналогичные вопросы поднимались и на XI Археологическом съезде, который состоялся в августе 1899 г. в Киеве. На нем обсуждалось общее печальное состояние архивного дела в России, говорилось о том, что правительство смотрит на архивы только как на места хранения канцелярских дел, нужных для справок, и не видит, что они могут представлять и научный интерес. Подобным же образом подходили и к уничтожению «ненужных документов». В связи с этим съезд поддержал проект архивной реформы на основе централизации архивного дела, который был представлен московским профессором Д.Я. Самоквасовым⁶. О том, что происходило на съезде в Киеве, в Казани стало известно довольно быстро. Буквально на одном из первых в новом учебном году заседаниях Общества археологии, истории и этнографии был сделан доклад о рекомендациях съезда⁷.

Несомненно, интерес к архиву был связан и с написанием университетской истории при подготовке к празднованию столетнего юбилея Казанского университета. Часть архива была даже перенесена в библиотеку, где располагался кабинет Н.П. Загоскина⁸. По всей вероятности, уже тогда в университетском архиве трудно было отыскать необходимые документы. Об этом свидетельствует и сам Загоскин. На одном из заседаний совета университета, докладывая о состоянии своей работы по составлению истории Казанского университета, он говорил: «Включение документов в дела с самыми общими и даже совершенно не соответствующими содержанию их заголовками — явление весьма обыкновенное в нашем университетском архиве, вынуждая перелистывать все дела, и этим путем мне часто доводится наталкиваться на в высшей степени ценные документы и целые производства в таких делах, в которых менее всего мог я рассчитывать их встретить: канцелярские чины доброго старо-

⁶ См.: Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли: учебник. М.: РГГУ, 2012. С. 150–168.

⁷ Васильев Д. Отчет о занятиях XI Археологического съезда в Киеве // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVI. Вып. 1. Казань, 1900. С. 66–68. О том, что доклад состоялся 23 сентября 1899 г., см.: Там же. С. 64.

⁸ См.: Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 134–135; Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 356–357.

го времени менее всего заботились об интересах будущих историков народного просвещения, стараясь лишь скорее очистить свои журналы и реестры нерешенных дел»⁹.

Обращение ректора было адресовано профессорскому стипендиату Борисову. Почему же именно ему? Владимир Леонидович Борисов — выпускник юридического факультета Казанского университета, с дипломом 1-й степени (1897) — был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории русского права¹⁰, а в 1899 г. окончил Петербургский археологический институт и получил диплом на звание действительного члена этого института¹¹. С 1897 г. он состоял членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), в апреле 1899 г. был избран секретарем Общества, каковым состоял до октября 1900 г. После, получив должность инспектора народных училищ в г. Чердыни, переехал в Пермскую губернию.

Возможно, обращение к нему ректора было связано как раз с архивоведческим образованием Борисова, полученным им в Санкт-Петербургском археологическом институте, открытым в 1878 г. с целью подготовки «специалистов по русской старине»¹². Этот институт был задуман его первым директором Н.В. Калачовым как центр подготовки архивистов-профессионалов. Сюда принимались лица с высшим образованием, для которых курс обучения составлял два года и был бесплатным, после чего им выдавались дипломы действительных членов института. Лица же без высшего образования определялись в вольнослушатели, учились три года и должны были платить за свое обучение, а по окончании курса они получали свидетельства сотрудников института¹³.

⁹ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1898 год. 28 февраля 1898 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. IX. С. 29.

¹⁰ Преподаватели, учившиеся и служившие в Казанском университете (1804–1904 гг.). Материалы для истории университета / собр. А.И. Михайловский, лектор англ. яз. при И. Казанском университете. Ч. 1. Вып. 3 (1885–1903 гг.). Казань, 1908. С. 1429, 1522; Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год. 13 сентября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. III. С. 9.

¹¹ Яковлев П.С. Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге. 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 44.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С.10. См. об этом же: Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 122–126.

О необходимости поступления Борисова в Археологический институт шла речь в представлении юридического факультета в совет Казанского университета в сентябре 1897 г. Как полагал Загоскин, автор этой записки, «в названном институте г[осподин] Борисов должен серьезно усвоить себе те вспомогательные для русской исторической науки отрасли знания вообще и архивоведения в частности, без которых, при современных условиях русской исторической и историко-юридической наук, представляются невозможными сколько-нибудь самостоятельные изыскания в области русской истории и истории русского права»¹⁴. Для Борисова, как считал Загоскин, было бы также полезно и желательно, чтобы он в месяцы, свободные от занятий в Археологическом институте, познакомился с деятельностью двух важнейших для исторической и юридической наук архивов: Московским архивом Министерства юстиции и Московским архивом Министерства иностранных дел. Для этих целей факультет ходатайствовал о специальном пособии Борисову в размере 250 рублей в год¹⁵.

Кроме того, Дубяго мог знать и некоторые публикации Борисова, посвященные казанским архивам, а также его выступления на заседаниях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете — на некоторых из них ректор, судя по протоколам Общества, присутствовал. Эти статьи были опубликованы лишь в 1901 г., но известно, что они были составлены по заметкам, написанным в 1898 г.¹⁶ и, вероятно, могли обсуждаться на заседаниях Общества. В данном случае важно то, что в глазах ректора Борисов представлял собой специалиста именно в области архивного дела.

Исполняя просьбу ректора, уже 31 октября 1899 г. Борисов представил записку о состоянии архива университета и тем самым зафиксировал состояние и устройство архива на конец XIX в.¹⁷ По описаниям Борисова, университетский архив располагался в семи комнатах нижнего этажа библиотеки и заключал в себе делопро-

¹⁴ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год. 25 октября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. V, VI. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 31–32.

¹⁶ *Борисов В.Л.* Заметка об архивах г. Казани // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVII. Вып. 2–3. Казань, 1901. С. 143–146.

¹⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 4–8.

изводства двух категорий. Делопроизводство первой категории представляет собой «архив дел, группа которых более не пополняется численно вследствие прекращения функционирования тех учреждений и мест, результатом деятельности коих эти дела являлись»¹⁸; делопроизводство второй категории можно определить как текущий архив, так как в эту категорию могут быть отнесены «делопроизводства учреждений, действующих в настоящее время и потому нуждающихся более или менее часто в справках»¹⁹.

Выделяя две части в архиве — историческую и текущую, Борисов говорил, что это необходимо принимать во внимание при некоторых вопросах архивоведения. Далее Борисов писал, что каждая из указанных частей распадается, в свою очередь, на другие, более мелкие части, или подразделения, определяемые именем того учреждения, которое сдавало или сдает в архив свои дела. Таких внутренних подразделений в архиве насчитывается 26²⁰. Такое значительное количество, замечал Борисов, «не может, конечно, не говорить о сложности систематизации, принятой в архиве при настоящем его состоянии»²¹.

Классификация дел в архиве университета усложняется и особой их нумерацией в каждом из подразделений и для каждого периода делопроизводства, т.е. для каждого года. Путаницы в

¹⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 4–4 об.

¹⁹ Там же. Л. 4 об.

²⁰ Подразделения следующие: I. В части текущей: 1) дела совета; 2) дела правления (общие с 1814 г. по 1831 г., с этого времени разделяются по столам — хозяйственному и распорядительному, прежде — полицейскому); 3) дела четырех факультетов; 4) дела ректора; 5) дела инспекции; 6) дела типографии; 7) дела бухгалтерии; 8) дела эконома и экзекутера; 9) дела ктитора; 10) дела казначея; 11) дела регистраторские; 12) дела смотрителя клиник; 13) дела редакции «Ученых записок»; 14) дела канцелярии попечителя учебного округа (по одному столу за период с 1802 по 1846 г., по трем столам за 1846–1870 гг.). II. В части исторической: 1) дела цензурного комитета (1812–1828); 2) дела издательного комитета «Казанских известий» (1813–1834); 3) дела Казанской I гимназии (1805–1814); 4) дела училищного комитета (1811–1837); 5) дела Общества любителей отечественной словесности (1806–1814); 6) дела комиссии по составлению истории 50-летия университета (1853); 7) дела строительного комитета (1820–1848); 8) дела испытательного комитета (1837–1881); 9) дела испытательного комитета для чиновников (1815–1817); 10) дела по учебной части учебных заведений Казанского округа (1827–1836); 11) протоколы студенческих испытаний (1828–1849); 12) дела редакции «Известий и Ученых записок» (1865–1877). См.: Там же. Л. 4 об. — 5.

²¹ Там же. Л. 4 об.

архивных делах добавляло, по мнению Борисова, и то, что «каждое из учреждений, дела которого хранятся в архиве, сдает их туда самостоятельно, причем в сдаче не наблюдается ни определенных сроков, ни определенного периода времени, когда бы производился прием дел в архив»²². Сама сдача дел происходила по сдаточным описям, представляемым в двух экземплярах, из которых один, по расписке на нем архивариуса, возвращался учреждению, а второй оставался в архиве и служил инвентарной описью.

Ситуация с каталогами, по мнению Борисова, также оставляла желать много лучшего. «В архиве, — писал он, — есть только несколько алфавитных каталогов к делам совета и правления за старые годы, но далеко не полных и не всегда верных, так как они составлены по заголовкам дел, часто не соответствующим истинному содержанию дел»²³.

И в дополнение ко всем перечисленным недостаткам Борисов сообщал еще об одном: в архиве университета хранились предметы, которым в нем просто не место. Среди таких предметов книги разнообразного содержания, диссертации, сочинения профессоров, газеты и т.д. Как замечает автор записки, «об этих предметах можно было бы не упоминать, если бы они не занимали весьма значительного места в архиве»²⁴.

Представив такое состояние архива, Борисов далее предлагал ряд мер, которые, по его «крайнему разумению», были бы желательны в «целях благосостояния» архива²⁵. Важными в деле устройства архива Борисов считал тесно связанные между собой вопросы систематизации архивного материала и нумерации архивных дел. По его мнению, именно они составляли основные теоретические вопросы науки архивоведения.

Характеризуя два возможных варианта систематизации архивного материала («архив может иметь или одну нумерацию и, следовательно, представляет собой одно целое, без каких-либо отделов и групп, или же — несколько нумераций, то есть распасться на отделы, с особой нумерацией для каждого»²⁶), Борисов указы-

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Л. 5 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 6.

вал, что первая система наиболее целесообразна, удобна и проста, но применима лишь к небольшому архиву или архиву «характера чисто исторического»²⁷. Если же приходится иметь дело с архивом большим или состоящим при каком-либо учреждении, то в таком архиве может быть несколько нумераций архивных дел.

Нумеровать папки Борисов предпочитал в хронологическом порядке, но при этом отмечал, что для ведомственных российских архивов этот принцип невозможен, так как существующее законодательство требует сохранять порядок, сложившийся в процессе делопроизводства соответствующего учреждения²⁸.

Для архива Казанского университета Борисов считал возможным применить обе эти системы. Историческая часть архива может быть систематизирована по единой нумерации, а текущая — по отделам и годам. И та и другая системы требуют составления описей и карточных алфавитных указателей. А вот описания дел архива, по мнению Борисова, делать не нужно, поскольку задачи архива университета практические, а не ученые и заключаются в «удовлетворении потребностей того учреждения, при котором он служит»²⁹, а не в публикации содержащихся в нем архивных материалов.

Довольно большую и обстоятельную часть своей записки Борисов отвел техническим вопросам, связанным с составлением карточных указателей и описей, вплоть до указаний, какого цвета должен быть ярлык с заголовком дела, чтобы сама надпись «была настолько четка и крупна, что свободно можно было бы прочесть ее, не прибегая к помощи лестницы»³⁰. Предлагалось даже приобрести механический счетчик для «счисления листов»³¹, который бы сильно облегчил работу архивиста и сберег его время. Технической стороне дела автор записки уделил столь значительное внимание, поскольку считал, что «эта работа представляется особенно своевременной и необходимой в виду занятий по составлению столетней истории университета»³².

²⁷ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 8 об.

Некоторые пожелания были высказаны Борисовым и в отношении сдачи дел в архив: «В правильной сдаче дел лежит, если можно так выразиться, основание благоустройства архива»³³. Он предлагал упорядочить сроки сдачи дел, чтобы они происходили равномерно и через определенные промежутки времени, ссылаясь при этом на опыт архива Святейшего синода³⁴, а также настаивал на том, чтобы изменился и порядок сдачи дел и к уже имеющимся сдаточным описям, которые учреждения создают в двух экземплярах, добавились бы и карточки для архивных указателей.

«Такой порядок, — писал он, — является вполне справедливым, так как лицу, сдающему дело, составить карточку к нему, т.е. выписать из дела имя или название, гораздо легче, и эта работа отнимет у него гораздо меньше времени, как у знакомого во всех деталях со сдаваемым делом, нежели у лица принимающего, которому для той же самой работы нужно вновь знакомиться со всем содержанием дела»³⁵. И такой порядок тоже уже практикуется, пишет Борисов, и не только в столичных архивах (например, архив Правительствующего сената), но и в Казани — в архиве Казанского окружного суда³⁶.

Одно из последних пожеланий Борисова — освободить архив от предметов, которые находятся там по ошибке (так, книги и ведомости могли бы быть сданы в библиотеку, где и получались бы, в случае необходимости, по ним справки, — т.е. фактически и библиотека, в норме ориентированная на научные и учебные задачи, оказалась бы аффилирована с архивом).

С запиской Борисова был ознакомлен Бобровников, занимавший должность архивариуса с октября 1897 г.³⁷ Он представил на нее официальный рапорт. Архивариус подтвердил, что «записка г[осподина] Борисова, как лица, несомненно, знакомого со всеми деталями архивного дела и притом специалиста в области архивоведения, представляет собой верную картину, если позволительно

³³ Там же. Л. 7 об.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 7 об.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Протоколы заседаний совета Императорского Казанского университета за 1897 год, 29 ноября 1897 г. // Ученые записки Казанского университета. 1898. Кн. VII, VIII. С. 15.

так выразиться, состояния и устройства архива при Казанском университете»³⁸.

Признав вполне основательными и справедливыми многие замечания автора записки, Бобровников, как человек, находящийся на государственной службе, защищал себя законом и инструкцией. В частности, он писал, что по инструкции в обязанности архивариуса входят: «1) прием и хранение дел, поступающих из канцелярий: совета, правления, инспектора и факультетов; 2) расположение их в таком порядке, чтобы всякое дело могло быть отыскано немедленно по востребованию; 3) составление алфавитных описей дел общих и по факультетам; 4) справки, выписки из дел по требованию канцелярий и факультетов, а также отдельных лиц»³⁹. Поэтому в таком качестве он не мог «брать на себя смелость предлагать какие-либо нововведения, которые никак не сообразуются ни со средствами, ни с силами архива»⁴⁰.

Кроме того, без особого распоряжения непосредственного начальства Бобровников как архивариус не имел права устранять из архива какие-либо дела или документы и вводить ограничения для сроков сдачи дел в архив. Единственное, что Бобровников считал возможным предложить в данном случае, — это приложить усилия к составлению подвижного алфавитного карточного указателя дел, какой велся в архиве окружного суда; однако он уточнил, что выполнит эту задачу, «насколько позволит мне исполнение текущих моих обязанностей» и «если на то воспоследует особое распоряжение» ректора университета⁴¹.

После этого записка Борисова и рапорт архивариуса были доставлены профессорам Загоскину и Д.И. Нагуевскому с тем, чтобы те высказали мнения и соображения по вопросу «наилучшей организации архива университета»⁴². Мнение Нагуевского не сохранилось. Загоскин же на записке Борисова оставил следующую запись: «Настоящую записку г[осподина] Борисова признаю заслуживающей полного внимания (подчеркнуто Загоскиным. — Н. А.), как плод труда лица, имеющего специальную подготовку в обла-

³⁸ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 10128. Л. 9.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 1.

сти архивоведения. Тем не менее, предпринятие каких бы то ни было работ по реорганизации архива Казанского университета я должен признать практически невозможным до полного окончания как работ по составлению истории Казанского университета, так и работ, находящихся с нею в связи» (подчеркнуто Загоскиным. — Н. А.)⁴³.

Завершает это архивное дело письмо ректора университета архивариусу, которое и определило судьбу переустройства университетского архива. Ректор попросил архивариуса приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в архиве⁴⁴. Этот документ сохранил два варианта письма. В первоначальном варианте ректор писал: «Имея в виду возможно большее благоустройство архива университета и наибольшую скорость и легкость в доставлении архивных справок, предлагаю Вам, милостивый государь, I. ныне же приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в университетском архиве, причем коренную реорганизацию нахожу возможным отложить до окончания архивных работ по составлению Истории Казанского университета»⁴⁵.

В окончательном же варианте были исправлены цель и концовка письма. Теперь документ приобрел следующий вид: «Имея в видах достижения наибольшего удобства в доставлении архивных справок, предлагаю Вам, милостивый государь, I. ныне же приступить к составлению алфавитного карточного указателя дел, находящихся в университетском архиве, согласно Вашему представлению о записке г[осподина] Борисова»⁴⁶. Достойны внимания не только переформулировка данной инструкции, но и присутствие в ней знака «I», который, несомненно, следует прочесть как «во-первых». Очевидно, набрасывая письмо, ректор исходил из ощущения масштабности стоящей задачи, которая непременно должна будет состоять из нескольких пунктов. Однако, перейдя к ее непосредственной формулировке и вспомнив, что «эксперты», выступившие по предложениям Борисова, предельно их сузили, он фактически ограничился тем, что воспроизвел прозвучавшее у

⁴³ Там же. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Л. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Бобровникова предложение о создании каталога. При этом само ощущение необходимости реорганизации архива и, повторю еще раз, масштабности этой задачи, похоже, запечатлелось в сознании Дубяго настолько, что он так и не вычеркнул из своей инструкции пункт «Во-первых».

Рассмотренный случай служит примечательным примером того, как действующие инструкции делопроизводства, подкрепленные соображениями практической целесообразности (необходимости оперативно отыскивать архивные материалы, нужные для масштабной работы по подготовке изданий к юбилею Казанского университета), воспрепятствовали реорганизации архива на научной (или, по крайней мере, претендующей на научность) основе. Думаю, что подобное разрешение противоречия между двумя вариантами развития архива можно считать если не типичным, то, во всяком случае, закономерным для ситуации данного времени. Понятно, что указания начальства и соображения удобства (с характерным уклоном в «практический консерватизм», побуждающий воздерживаться от каких-либо перемен без острой и, как правило, предписанной свыше необходимости в них) были для отечественного делопроизводства определяющим фактором. Это, безусловно, следует учитывать при изучении истории университетских архивов.

Наталья Алмазова

СУДЬБА АРХИВА ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВАРШАВЕ

doi:10.17323/978-5-7598-1587-7_35-47

Как правило, университетские архивы рождаются и живут при учреждениях-создателях и разделяют их судьбы. Однако в исключительных случаях они обретают самостоятельную биографию. Архив Варшавского университета дает нам пример такого обособленного существования фондообразователя и собрания его документов. Это обстоятельство обеднило историю Варшавского университета и ослабило изучение его архива. Между тем обращение историков России к его документам позволяет исследовать не только институциональную историю конкретного университета, ныне принадлежащего другому государству, но и судьбы преподавателей, признанных «выдающимися русскими учеными».

«Кочевой» архив

Как и все присутственные места империи, Варшавский университет (1869–1915) должен был иметь архив¹. Сейчас он известен исследователям как собрание документов в фонде 214 «Императорский Варшавский университет» («Cesarski Uniwersytet w Warszawie») в Государственном архиве города Варшавы (Archiwum Państwowe

¹ К 1860-м годам архивы российских университетов уже прошли сложный путь своего становления, систематизации и даже реформирования. Более подробно об этом см.: *Wiszenkova E.* University Archives as a Cultural Project: Russia, the First Half of the 19th Century // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2011. Т. XLVIII. S. 183–195; *Wiszenkova E.* University Archivists as Archive Policy Agents in Nineteenth-Century Russia // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2012. Т. XLIX. S. 153–166; *Vishlenkova E.* Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities // *Working papers by Basic Research Programme. Series HUM «Humanities»*. 2013. No. 29; *Ильина К.А.* Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

m.st. Warszawy). Его объем — 1111 единиц хранения. Это намного меньше, чем документальные собрания других императорских университетов. Фонд Московского университета (ф. 418 Центрального исторического архива Москвы — ЦИАМ) составляет 211 904 единицы хранения²; фонд Казанского университета (ф. 977 Национального архива Республики Татарстан — НА РТ) насчитывает более 110 000 единиц³; а фонд университета Св. Владимира (ф. 16 в Государственном архиве г. Киева — ГАК) имеет 72 007 единиц хранения⁴.

Но коллекция документов в Государственном архиве города Варшавы не является единственным хранилищем документов императорского Варшавского университета. Еще три собрания обнаруживаются в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 733 Министерства народного просвещения, в Государственном архиве Ростовской области (ГА РО) в фонде 527 Донского университета и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в фонде 44 Варшавского университета⁵.

Почему же архив Варшавского университета столь скромнен по объему и рассредоточен в нескольких государственных архивохранилищах?

Открытие Варшавского университета состоялось в 1869 г. на основе уже существовавшего здесь польского национального учебно-

² Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Вып. 3. М.: Мосгорархив, 1999. См. также: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Указ. соч. С. 261–262; Vishlenkova E. Document Preservation Policy in Russian Imperial Universities... Р. 3.

³ Национальный архив Республики Татарстан: Путеводитель. Изд. доп. и перераб. Казань, 1999. С. 80–81. См. также: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Указ. соч. С. 259–261.

⁴ Державний архів міста Києва: Путівник. Т. 1. Фонди дорадянського періоду. Київ, 2007. С. 45. Обзор состояния современной архивной базы для изучения истории российских университетов XIX — начала XX в. сделан в статье: Грибовский М.В. Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX–XX веков в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 53–60.

⁵ Обзор архивных фондов по истории Варшавского университета в российских архивах см. в работах польской исследовательницы И. Шиллер-Валицки: Schiller J. Materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego w Rostowie nad Donem // Nauka Polska. Jej Potrzeby Organizacja i Rozwój. 2005. T. XIV. S. 237–245; Schiller J. Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 2010. T. XLVII. S. 197–208.

го заведения — Варшавской Главной школы (1862–1869)⁶. Помимо прочего, в его уставе (§ 65) были определены функции канцелярии и архива, а также должности, относящиеся к этим структурным подразделениям⁷. В канцелярию, которую возглавлял секретарь совета, по штату входили три его помощника (старший, исполнявший функции казначея, и два младших), смотритель университетских зданий, пять канцелярских чиновников и журналист, который совмещал свою должность с обязанностями архивариуса.

Как справедливо пишет польская исследовательница Малгожата Шмит, архив Варшавского университета действовал на тех же принципах и основаниях, которые были присущи всей российской бюрократической системе⁸. Документы должны были сдаваться на хранение по истечении трех лет с момента их окончания. Они подразделялись на «дела оконченные» и «текущие», т.е. те, которые могли понадобиться в делопроизводстве (например, действующие распоряжения или инструкции). Такие документы должны были храниться в канцелярии. Вероятно, в общий архив не передавались документы факультетского делопроизводства, а также протоколы заседаний вспомогательных учебных учрежде-

⁶ Об истории Варшавского университета см.: *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1807–1915* / pod red. S. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981; *Иванов А.Е.* Варшавский университет в конце XIX — начале XX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — нач. XX в.). Варшава: Urowszechnienie Nauki — Oświata, 1995. С. 198–205; *Иванов А.Е.* Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33; *Михальченко С.И.* Императорский университет в Варшаве: проблемы польско-русских взаимоотношений // *Slavica Lundensia*. Vol. 22 (2005): Words, Deeds and Values. The Intelligentsia in Russia and Poland during the Nineteenth and Twentieth Centuries. Lund, 2006. P. 33–46; *Schiller J.* Uniwersytet Warszawski — czy uniwersytet i czy w Warszawie? // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2005. Nr. 3–4. S. 25–58; *Шмиллер-Валицка И.* Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в Царстве Польском в XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 223–243. Историографическая традиция изучения истории Варшавского университета описана в работах А.Ю. Баженовой. См.: *Баженова А.Ю.* Образ Императорского Варшавского университета в российской и польской историографической традиции // Россия и Польша: память империй / империи памяти. СПб.: Эйдос, 2013. С. 195–211.

⁷ Устав Императорского Варшавского университета, 8 июня 1869 // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 143. С. 139.

⁸ *Szmit M.* Kancelaria i Archiwum Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego (1869–1915) // *Archeion*. 1974. T. 61. S. 185.

ний (различных кабинетов и лабораторий)⁹. Я также полагаю, что в университетский архив не сдавалась так называемая секретная переписка ректора и инспектора студентов. Речь идет о документах, связанных со студенческими волнениями¹⁰.

Первые документы поступили в архив в 1874 г. Это были 109 папок личных дел и 48 папок с текстами, посвященными вопросам управления за 1869–1873 гг.¹¹ На основании этого Шмит предположила, что варшавский архив появился не ранее 1874 г.¹² Вероятно, существовал определенный порядок оформления и передачи дел в него. К сожалению, я не нашла такой инструкции. На основе косвенных свидетельств (описей и записей архивариуса) можно утверждать, что он был таким же, как и в других российских университетах.

Документы группировались в «дела» по хронологически-тематическому принципу. В одно «дело» входили тексты, созданные вокруг какого-либо вопроса за определенный срок (чаще один год). «Дела», поступившие в архив, не получали новой нумерации, а сохраняли те номера, которые были даны им в канцелярии университета (писались в левом верхнем углу). Для облегчения работы в архиве и для ускорения поиска документов использовались особые ярлыки, которые прикреплялись к папке. На них были указаны название описываемого в ней вопроса и номер папки на полке. В зависимости от типа документов папки различались по цвету. Так, папки, которые содержали приказы и инструкции, были светло-зеленого цвета. Синие и фиолетовые папки использовались для ведомостей об успеваемости студентов, темно-синие — для данных о стипендиях и результатах студенческих сессий¹³. Так создавалась символическая система адресации документов.

Неизвестно, проводилась ли в этот период какая-либо работа по организации или реформированию архива¹⁴, уничтожались ли

⁹ Так, в письме от 23 июля (5 августа) 1914 г. медицинский факультет сообщал, что он подготовил свои документы и оборудование для эвакуации // Archiwum Państwowe m.st. Warszawy (APW). Z. 214 (Cesarski Uniwersytet w Warszawie (CUW)). Sygn. 323.

¹⁰ М. Шмит отмечает, что на этих делах (Sygn. 331–340) отсутствовала нумерация, свойственная общей архивной нумерации. См.: *Szmit M.* Op. cit. S. 186.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. S. 187.

¹⁴ Если такая работа и проводилась, то, скорее всего, она не имела систематического характера и выполнялась эпизодически. Для подтверждения можно приве-

документы и если это происходило, то какие именно и на каком основании. М. Шмит допускает, что такие процедуры могли иметь место¹⁵, но свидетельств того, что документы были утрачены вследствие решения об их ликвидации, а не в ходе исторических обстоятельств, у меня нет.

Трагические перемены в упорядоченной жизни университетского архива связаны с событиями 1914 г. С началом Первой мировой войны и появлением угрозы оккупации Варшавы правительство распорядилось об эвакуации имущества государственных учреждений, в том числе университета. В начале августа 1914 г. ректор С.И. Вехов приказал паковать документы архива для отправки вглубь России. Среди особо ценных числились бумаги, подтверждающие имущественные права; личные дела профессоров и студентов; протоколы заседаний советов факультетов, различных комитетов и обществ; дела, связанные с цензурой, за 10-летний период; «секретная» переписка¹⁶. Коробки с ними были отправлены в Москву и размещены в одном из зданий университета на Моховой. Неясно, были ли созданы описи эвакуированных документов. Даже если они и существовали, то не сохранились.

Дальше этот архив испытал дыхание фронта. Сначала отдаленность боевых действий побудила Министерство народного просвещения возобновить в сентябре обучение на медицинском факультете. Для этого часть университетских документов была возвращена из Москвы в Варшаву. А когда весной 1915 г. фронт вплотную подошел к Варшаве, архив вновь подготовили к эвакуации. Эти события датируются 17 (30) июля — 23 июля (5 августа), буквально накануне отхода русских войск из города¹⁷.

В августе 1915 г. контейнеры с материалами текущего делопроизводства были доставлены в Москву. Ректор С.И. Вехов сообщил тогда ректору Дерптского университета профессору П.П. Пу-

сти пример библиотеки Варшавского университета, там ситуация была схожей. Ряд фондов, которые поступили в библиотеку в конце XIX в., не был разобран; только в начале XX в. была составлена опись наиболее ценной части собрания, разработана учетная документация. См.: *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Судьба рукописного отдела и архивов профессоров Варшавского университета // *Отечественные архивы.* 1992. № 3. С. 26.

¹⁵ *Szmit M.* Op. cit. S. 187.

¹⁶ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 79, 323. Цит. по: *Szmit M.* Op. cit. S. 188.

¹⁷ *Ibid.* S. 189.

сторослеву, что удалось эвакуировать всех людей, а имущество, библиотеку, канцелярию и архив только частично. Это и понятно, поскольку на упаковку было отведено всего три дня¹⁸. В письме ректора (сохранившемся в двух вариантах, в одном из которых есть зачеркивания и приписки¹⁹, а другой — чистой) упоминается цифра в 3000 пудов (4914 кг), которая затем зачеркнута и заменена цифрой 1000 пудов (1638 кг). Видимо, даже университетская администрация не знала точного объема вывезенного имущества²⁰.

1 сентября 1915 г. варшавский ректор получил распоряжение министерства возобновить работу университета в Ростове-на-Дону²¹. Туда с середины месяца стали перевозить имущество. Судя

¹⁸ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 323. Цит. по: *Szmit M.* Op. cit. S. 188–189.

¹⁹ На этот факт сугубое внимание обратила М. Шмит: *Szmit M.* Op. cit. S. 188–189. См. также: *Schiller J.* *Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 199.

²⁰ Часть архива и канцелярии университета, оставшаяся в Варшаве, вошла в фонды открытого позднее Архива народного просвещения (Archiwum Oświecenia Publicznego). Это учреждение включало важные группы документов по истории образования в Польше в XIX в., архивы разных учебных учреждений, например Королевского Варшавского университета (1816–1831), Медико-хирургической академии в Варшаве (1857–1861), Главной библиотеки в Варшаве (1831–1871) и др. В число документов фонда Императорского Варшавского университета вошли распоряжения Министерства народного просвещения и попечителя Варшавского учебного округа, переписка с различными учреждениями, протоколы заседаний совета университета, прошения студентов, учебные программы и т.п. Опись этих документов была подготовлена в 1918 г., а затем уточнена в 1928 г. Но эти фонды, как и сам архив, погибли во время Второй мировой войны. Здание, в котором располагался архив, было взорвано 22 сентября 1939 г., документы сгорели. А та часть архива, которую удалось спасти и которая была передана в Центральный архив исторических документов (Archiwum Główne Akt Dawnych), в свою очередь, погибла во время Варшавского восстания 1944 г. См.: *Tomkiewicz W.* *Straty kulturalne Warszawy.* Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, 1948; *Manteuffel T.* *Archiwum Oświecenia Publicznego w Warszawie // Straty Archiwów i Bibliotek Warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych.* T. 2. *Archiwa porozbiorowe i najnowsze.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956; *Szmit M.* Op. cit. S. 193. О культурных потерях Польши, в том числе и гибели архивов, в целом см.: *Estreicher K., jr.* *Straty kultury polskiej pod okupacją niemiecką 1939–1944 wraz z oryginalnymi dokumentami grabieży (Cultural Losses of Poland during the German Occupation 1939–1944 with Original Documents of the Looting).* Kraków: Pałac Sztuki Towarzystwa Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie, 2003.

²¹ Только в 1917 г. университет стал Донским, в 1925 г. название было изменено на Северо-Кавказский университет, а в 1931 г. он стал Ростовским. В 2006 г. был реорганизован в Южный федеральный университет. Об истории университета см.:

по отчету библиотеки за 1915 г., в Ростов-на-Дону вместе с частью наиболее ценных книг и рукописей Варшавской библиотеки поступили архив, документы текущего делопроизводства университета и библиотеки, описи всех залов библиотеки на момент эвакуации и инвентарные книги²². Поспешность, с которой проходила эвакуация, привела к тому, что из Варшавы не были вывезены значительная часть библиотеки, архивы кабинетов (математического, зоологического, биологического), документы некоторых научных обществ, в том числе и студенческих, часть личных архивов и библиотек профессоров²³.

В годы гражданской войны Ростов-на-Дону несколько раз переходил из рук в руки. Имущество университета, в том числе фонды архива и библиотеки, подвергалось хищению и порче. Возможно, часть архивных документов могла вернуться в Польшу после подписания Рижского договора 1921 г., завершившего советско-польскую войну. В соответствии со статьей 11 Советская Россия обязалась вернуть эвакуированное имущество государственных архивов, библиотек, учреждений (это касалось и библиотеки и архива Варшавского университета)²⁴.

В конце 1920-х годов в Ростове были обнаружены отдельные книги и документы библиотеки и архива Варшавского университета, которые числились утраченными. Распоряжением Наркомпроса от 9 апреля 1930 г. они были переданы в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина в Москве (сейчас — Российская государственная библиотека). Туда же в начале 1930-х годов были переданы материалы текущего делопроизводства университета и личные документы профессоров и преподавателей, выделенные

Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1959; Ростовский университет. 1915–1965. Статьи, воспоминания, документы. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1965; Лобова В.В. Становление и развитие высшего исторического образования на Дону в первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2010; Данилов А.Г. Ростовский период в истории Варшавского университета (1915–1917 гг.) // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 86–97.

²² Липатова З.Н., Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 26.

²³ Там же.

²⁴ См.: Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. С. 210–217; Фалькович С.М. Из истории научных связей СССР и Польши в межвоенный период // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. С. 176–177; Липатова З.Н., Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 27.

во вновь сформированный архивный фонд «Варшавский университет» (ф. 44) в отделе рукописей ГБЛ (НИОР РГБ)²⁵. Из части личных архивов были сформированы фонды профессоров (архив В.В. Макушева — ф. 156; архив В.В. Курилова — ф. 146).

Однако часть архива и библиотека Варшавского университета, все еще остававшаяся в Ростове-на-Дону²⁶, видимо, погибли во время Великой Отечественной войны, когда город дважды оказывался захваченным неприятелем. Часть документов, попавших в Государственный архив Ростовской области (ГА РО; создан в начале 1941 г. путем объединения трех областных архивов) и не вывезенных в эвакуацию в Омск, погибла летом 1942 г. в результате бомбардировки²⁷. Еще часть документов могла оказаться в Махачкале, а затем в Киргизии (Фрунзе и Ош), куда был эвакуирован Ростовский университет²⁸. В 1958 г. оставшаяся часть делопроизводства Варшавского университета (5420 единиц хранения) была передана из Государственного архива Ростовской области²⁹ в Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ).

С 1957 г. этот архив начал подготовку к передаче документов Привислинского края в польские архивы. Работа продолжалась до октября 1961 г., когда в Польшу было отправлено 522 фонда общим объемом 42 886 единиц хранения³⁰. Тогда, после подписа-

²⁵ *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 27; *Schiller J.* Moskiewskie materiały do dziejów Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego... S. 200.

²⁶ В 1920–1930-е годы архивы на территории нынешней Ростовской области непрерывно и очень интенсивно пополнялись документами, которые оставались невостребованными начиная с последних предреволюционных лет. См.: *Лукьяшко Е.П.* Прошлое ростовского архива // *Донской временник.* Ростов н/Д, 2005. С. 94–97.

²⁷ *Szmit M.* Op. cit. S. 191; *Липатова З.Н., Шаханов А.Н.* Указ. соч. С. 28.

²⁸ *Szmit M.* Op. cit. S. 191–192.

²⁹ В настоящее время в ГА РО есть фонды Императорского Варшавского университета: ф. 527 «Донской университет Министерства народного просвещения, 1873–1924 гг.» (4535 ед. хр.) и ф. Р-46 «Ростовский-на-Дону государственный университет (РГУ), 1913–1995 гг.» (18 654 ед. хр.). См.: Государственный архив Ростовской области. Список фондов ГКУ РО «ГА РО» дореволюционного периода. <http://gosarhro.ru/nsa/list_of_funds/Fondy_dorevolucionnogo_perioda.pdf> (дата обращения: 23.07.2015); Государственный архив Ростовской области. Список фондов ГКУ РО «ГА РО» советского периода. <http://gosarhro.ru/nsa/list_of_funds/Spisok_OFOR.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).

³⁰ ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 309 а. См. также: История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2010. С. 111.

ния протокола о передаче Польше архивных материалов из СССР, архив Императорского Варшавского университета был передан в Государственный архив г. Варшавы и Варшавского воеводства³¹. Всего было передано 5246 единиц хранения³².

В настоящее время фонд императорского Варшавского университета включает следующие разделы: I. Канцелярия совета, правления и ректора университета (в описи дела разделяются на группы: 1) протоколы, 2) дела совета, 3) дела правления, 4) дела ректора, 5) канцелярия); II. Секретариаты факультетов (в описи дела разделяются на группы: 1) историко-филологический факультет, 2) физико-математический факультет, 3) юридический факультет и 4) медицинский факультет); III. Канцелярия Инспектора (в описи дела разделяются на группы: 1) разное, 2) надзор над студентами, 3) дисциплинарный суд, 4) списки студентов); IV. Личные дела сотрудников университета (в описи дела разделяются на группы: 1) общие, 2) профессора и преподаватели, 3) лекари, 4) профессорские стипендиаты, 5) сотрудники клиник, 6) сотрудники библиотеки и администрации); V. Личные дела студентов и фармацевтов (в описи дела разделяются на группы: 1) студенты, 2) фармацевты); VI. Личные дела фельдшеров, акушеров, дантистов; VII. Студенческие и научные общества при университете (в описи дела разделяются на группы: 1) сообщества студентов, 2) научные общества)³³.

В начале 1970-х годов этот фонд был систематизирован и описан³⁴. Документы стали доступны ученым, и ссылки на них появились в публикациях исследователей из Польши, России и других стран³⁵.

³¹ H. A. [Henryk Altman] Przekazanie Polsce materiałów archiwalnych ze Związku Radzieckiego // *Archeion*. 1962. T. 37. S. 294–296.

³² *Maciejewska W.* Transport akt przekazanych Polsce przez Związek Radziecki // *Archeion*. 1962. T. 38. S. 306.

³³ APW. Inwentarze Archiwalne. T. XXV. Cesarski Uniwersytet w Warszawie. 1869–1917. T. XXVI. Cesarski Uniwersytet w Warszawie. 1869–1917. Skorowidz osobowy.

³⁴ См.: *Szmit M.* Оp. cit. S. 192.

³⁵ См., например: *Błaszcyk L.T.* Antyk w Uniwersytecie Warszawskim. Filologia klasyczna na Uniwersytecie Warszawskim w latach 1816–1915. Cz. I–II. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1995–2003; *Иванов А.Е.* Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // *Отечественная история*. 1997. № 6. С. 23–33; *Михальчен*

Польский архив и русские ученые

В 2009 г. благодаря поддержке профессоров Ежи Аксера и Ежи Колендо у меня была возможность работать в варшавских архивах. Мой давний исследовательский интерес к истории антиковедения в России побудил меня обратиться к университетским документам: протоколам историко-филологического факультета и личным делам преподавателей. Их прочтение оказалось интересным не только в связи с их непосредственным содержанием, но и с проявляющимися в них возможностями исследования данного архивного фонда.

Остановимся на некоторых документах, представляющих не только содержательный, но и фондообразующий интерес. Так, занимаясь поисками сведений для биографии казанского профессора римской словесности Дариуша (Дария Ильича) Нагуевского, я обнаружила данные о его намерении защитить докторскую диссертацию в Варшаве³⁶. Нигде, в том числе в автобиографии для Словаря профессоров Казанского университета³⁷, ученый об этом не упоминал. Дело в том, что диспут не состоялся. В архиве сохранились не только стандартные документы (заявления, справки, протоколы заседаний и результаты голосований), но и отзывы варшавских профессоров на текст его исследования. История обсуждения диссертации оказалась тем более интригующей, что в ней участвовал ректор Н.М. Благовещенский, специалист по римской литературе в целом и римской сатире и Ювеналу в частности.

В протоколах нет упоминаний о конфликте Благовещенского с Нагуевским. Да и качество диссертационной работы последнего могло породить естественное недовольство специалистов.

ко С.И. Кафедры русской и всеобщей истории в Варшавском университете (1869–1915) // Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 3. СПб., 2005. С. 11–18; Баженова Г.Ю. Просопографічний портрет Імператорського Варшавського університету (1869–1915 рр.) // Український Історичний журнал. 2012. № 3. С. 106–121; Баженова А.Ю. Историки императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, М.А. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 239–261; Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy Srodkowo-Wschodniej, 2014.

³⁶ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 391. K. 11, 81, 109–137, 140–142.

³⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. Ч. 1. Казань, 1904. С. 136.

Возможно, что вполне обоснованные претензии возникли и у Н.М. Благовещенского. Неестественно лишь то, что ректор использовал для борьбы с молодым конкурентом не метод открытой полемики, а «административные ресурсы». Он настоял на отмене результатов обсуждения и, видимо, добился от рецензентов изменения их оценок работы. Во всяком случае, в варшавском архиве хранятся два диаметрально отличающихся отзыва на диссертацию Нагуевского, написанных доцентом К. Трессом. Первый его отзыв был положительный, а второй — отрицательный³⁸.

Среди других интересных документов — материалы, связанные с процедурой «приготовления к профессорскому званию» Алексея Косминского, отца выдающегося историка-медиевиста, академика АН СССР Е.А. Косминского. Конечно, эти тексты прежде всего свидетельствуют об условиях развития антиковедения в Варшавском университете (к сожалению, эта тема не исследовалась историками науки³⁹). Но они имеют характер не только локального свидетельства. В них зафиксированы факторы становления данной научной дисциплины и специалистов в этой области в условиях Российской империи. Один из наиболее информативных документов — отчет А. Косминского о его занятиях по римской истории⁴⁰. Он позволяет заключить, что если бы не ряд обстоятельств, связанных с материальными трудностями (необходимость содержать семью и для этого «взять место штатного учителя в I-й женской гимназии»⁴¹), то в лице Косминского-старшего российское антиковедение могло обрести яркого и интересного историка Древнего Рима⁴².

³⁸ Более подробно об этой истории см.: Алмазова Н.С. «Девятый вал» профессора Д.И. Нагуевского: история одной несостоявшейся защиты // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 43–58.

³⁹ Так, существует специальная монография И.А. Дружининой, посвященная антиковедению в Казанском университете (*Дружинина И.А. Изучение античности в Казанском университете XIX — 1920-е гг.* Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006). В обобщающей работе Э.Д. Фролова речь идет скорее о направлениях, школах и персоналиях в российском антиковедении. (См.: *Фролов Э.Д. Русская наука об античности.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999; 2-е изд. 2006.)

⁴⁰ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 674.

⁴¹ Ibid. Sygn. 398. K. 310.

⁴² См. об этом: Алмазова Н.С. Из истории антиковедения в Императорском Варшавском университете: дело кандидата-стипендиата Алексея Косминского // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 219–228.

В сохранившемся архиве Варшавского университета я обнаружила сведения о преподавательской и научной деятельности в 1897–1906 гг. медиевиста Д.М. Петрушевского. Они позволили уточнить круг учебных дисциплин, узнать о его научных командировках за границу⁴³, о публикации монографий⁴⁴, о его варшавских учениках М.И. Белоруссове⁴⁵ и М.А. Кречмаре⁴⁶. Последний занимался наукой в обретшей независимость Польше⁴⁷. В архиве сохранились программы учебных курсов⁴⁸ Петрушевского, перечень тем студенческих исследований, которые он предлагал⁴⁹. Интересно, что архивные документы представляют карьеру Петрушевского как восхождение. Протоколы заседаний историко-филологического факультета свидетельствуют, что практически все предложения Д.М. Петрушевского, его ходатайства о финансировании научных командировок или публикации книг получали одобрение. Однако это не так.

Часть документов, по которым можно было бы проследить прохождение этих предложений через совет университета, не сохранилась. Так, в папке под названием «О командировании с ученой целью»⁵⁰ нет документов за 1893–1911 гг. — период, когда Петрушевский работал в Варшавском университете. Перепроверить эти сведения стало возможно благодаря сохранившимся письмам Д.М. Петрушевского в отделе рукописей РГБ⁵¹. Ученый сообщал

⁴³ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 367. K. 10, 14; Sygn. 373. K. 5; Sygn. 374. K. 5; Sygn. 408. K. 194; Sygn. 409. K. 126; Sygn. 416. K. 186, 254.

⁴⁴ Ibid. Sygn. 369. K. 10, 33; Sygn. 410. K. 305–306; Sygn. 413. K. 232; Sygn. 415. K. 40; Sygn. 416. K. 28.

⁴⁵ Ibid. Sygn. 411. K. 86–87; Sygn. 413. K. 191–192, 410; Sygn. 415. K. 155; Sygn. 416. K. 100.

⁴⁶ Ibid. Sygn. 374. K. 18; Sygn. 375. K. 10; Sygn. 411. K. 104–106; Sygn. 416. K. 154; Sygn. 675. K. 42.

⁴⁷ Hulewicz J. Kreczmar Michał // Polski Słownik Biograficzny. T. XV. Warszawa, 1970. S. 264–265; Błaszcyk L.T. Koncepcje historyczne Michała Kreczmara jako badacza dziejów starożytnych // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Seria I. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Nr. 12. Historia. Łódź, 1959. S. 169–189.

⁴⁸ APW. Z. 214 (CUW). Sygn. 408. K. 8; Sygn. 410. K. 51–52, 68–69; Sygn. 411. K. 13; Sygn. 412. K. 10, 66; Sygn. 413. K. 108–109; Sygn. 414. K. 30, 37–39.

⁴⁹ Ibid. Sygn. 369. K. 26–27; Sygn. 370. K. 2, 4; Sygn. 411. K. 393; Sygn. 412. K. 162; Sygn. 413. K. 229, 459; Sygn. 414. K. 232–233; Sygn. 415. K. 17, 140.

⁵⁰ Ibid. Sygn. 104, 105, 106.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 376 (Фонд В.Э. Грабаря). Картон 10. Ед. хр. 10.

разным респондентам, что его прошения о командировках часто не получают поддержки, сетовал на то, что голосовали против него его же коллеги по факультету.

Подводя итог своим рассуждениям о судьбе варшавского архива, утверждаю, что он позволяет прочитать университетское прошлое Российской империи как переплетенную историю людей, идей и решений. Несмотря на свой скромный объем и территориальную разбросанность, он является частью «большого архива» истории науки и образования.

Biographies of University Archives / N. Almazova, T. Amalou, E. Vishlenkova et al.; transl. from French by P. Uvarov; transl. from Italian by Ju. Ivanova; transl. from Polish by D. Dobrovolsky; ed. by E. Vishlenkova, K. Ilina, V. Parsamov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : HSE Publishing House, 2017. — 304 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1587-7 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-1648-5 (e-book).

The book presents researches dedicated to university archives as a cultural phenomenon. The authors are well-known Russian, Bulgarian, Italian, Polish and French scholars, specialists in history and sociology of universities. As a researching collective they create vivid and engaging narratives about destinies of university archives from the Middle Age to nowadays. Although their research methods vary, the authors focus on exploring archives not as passive repository of documents but as a complex mechanism generating its own meanings and revealing new aspects in studying university culture.

The book is designed for humanities scholars studying history and theory of university education as well as for those interested in the problems of memory and intellectual culture.

Научное издание

Биографии университетских архивов

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *А.А. Архипова*
Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*
Художник *В.П. Коршунов*
Корректоры *Е.Е. Андреева, О.И. Ростковская*

Подписано в печать 11.05.2017. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 500 экз. Изд. № 2118

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59